

Алексей ПОРВИН

Алексей Порвин родился в 1982 году в Ленинграде. Публикации в журналах «Нева», «Дружба народов», «Воздух», «Новая Юность», «Носорог», «Урал», «НЛО» и др. Автор пяти стихотворных книг. Лауреат премии «Дебют» в номинации «Поэзия» (2012), входил в шорт-лист премии Андрея Белого в номинации «Поэзия» (2011, 2014). В «Волге» публикуется с 2008 года. Живет в Санкт-Петербурге.

В тени согнулся и сидит плетельщик
корзин: чем вместить полумрак?
Несомненные прутья – те ещё
добровольцы: верят кой-как.

Есть пара старых истин: здесь одной же
не хватит, чтоб выдать приплод
временной маловажной ноши:
кто лозу к сомнению приплёл?

Есть пара истин: верящий податлив,
он хлёткую участь избыл;
у костра сокровенных далей
говорит растравленный пыл –

«Молчаньем и словами наготове,
проверенным смыслом своим
вынимая огонь из крови,
человек становится *дым*».

Птицы внутри любви уплотняют
пространство, крылом взбивая весь
видимый мир: поспеши устареть,
об ушедших дымящая кухня.

Залепляется копотью тишина:
в спортивной цели зреют ли бреши,
как плоды ожидания земного
(табуну довольно тени).

Звуки лесным густеют надоем,
створожиться в музыку хотят,
сердце зачем ускорять – всё равно
световые частоты доступны.

Эстафетные *молодцы* не гнались
за светлым ритмом певчих мельканий,

по прокисшему шелесту бежали
пульсовой потехи ради.

Берег – справа, берег – слева,
но правый не расскажет нам,
зачем сквозь листья просочилось время,
молчанье светом пятна.

Всё внушает голос древа –
как шелест, правду затаить:
упасть под сердце, в чистоту дневную
кого зовёт полынья.

Грачик мельтешит по ветви,
её начало и конец
желая уместить в один-единный
прикосновения миг.

Нарастал пейзаж ответный
на зрении, как первый лёд;
лучи не перейдут, их лёгкость тщетна,
себя, заря, вразуми.

Листья перистые, словно
небо – у них есть право всё смахнуть,
что тяготит, но подгрызен корень
и земной отыскан брод.

Взросление, пропуск, вечерняя смена:
ряд, продолженный второпях,
призывает с каждым огнём родниться,
горящим в печи.

Волнам коренным подвластны
камни: небесный берег раскусив,
лучи остреют, свой цвет молочный
насаждая трудодням.

Кирпичное устье фабричного дыма
можно птицами перейти,
если каждый шаг есть полёт над взмахом
кленовой листвы.

Едва живых из-под развалин
извлечь, не смотреть на вспорхнувший
гербовый оттиск, утомлённый долгой
загрудинной тюрмой.

За полусвет объёмный
взимается остаток смысла;
спадая прямо в пламя,
листва шуршит родному языку *не смей*.

Скрежещет ложкой долгий голод
в ночи, преломлённой молчаньем,
лезвия входят в полусумрак хлебный,
тишину потроша.

Звезду хватает с неба,
лежащего в солдатском супе
так плоско и округло,
что поминается монетная душа.

Смешаться с толпой солдатской,
проходя в направлении зыбком –
и вынырнуть из плотной гари,
вставшей на страже тишины.

Собрать сервиз фамильный
довоенный – сложно, как верить:
назначение предмета
кажется сохраняемым до поры.

Вода, омывая тело,
уносила касанья всё дальше,
фарфор не выдержит нажимных
звуков, скользящих по словам.

Садовый душ в пристройке
озарён осколочным светом,
мыло в блюде тяжелеет
памятью о помывочной суете.

Отрезкам больше не темно, они тишиной
смотрят на всё с растущим азартом;
облако грохочет за спиной –
в камне воспрянет атом.

Платили дань тобой, словесный чистый лён,

земля брала и эти нити:
знать бы, что клубковый продлён
рассказ, не слышный правде/обиде.

На убегание прохожих в синеву –
своими циферками взглянут
камни, зарываясь в листву,
покрывшую льняную поляну.

На убегание, на противление дням
сделана ставка зрячести лишней,
выигрыш поделят пополам –
время и голос ливня.

Флейтовой ловлей пресыщен выдох:
сколько можно тишине
поддаваться, не надеясь
услышать сквозь шелест имена всего?

Зола привычных названий
что угодно отмоеет, когда
угодили в музыку волны
тканной любви к тебе, силуэт.

Некто сличает свой взгляд и небо,
сходство вычерпав из книг,
личные свои минуты
в застиранное усердие одев.

В реке полощется юбка,
пылевые разводы парят
в глубине неясной приманкой;
рыбы переселились в слова.

Прямо в мякотный свет
до ночи гудит давиленья:
звуком прощупать нутро станочным
кажется, получилось.

Расправленные средостения у растений
жаждой полны – нет же, ничем,
словно молчанье рыбе,
созревшее прежде свободы.

Гулом спугнутый слух
прибьётся к заветным стенам,

спящее пламя в плоды налито,
стиснуто оболочкой.

Потрескивают виноградины, отдавая
солнечный сок – нет же, трещат,
словно костёр сигнальный,
зовущий рыбацкие лодки.

О рычагах, поднявших суть земную,
гремят раскаты, назначают свет
желанным движением сердца
для людей, поющих вдаль.

Ближнее время – отлогое,
а дальше в гору идут
знание, жест, тишина победы:
усилию легко.

Срывают подорожник на погоны
(кто ищет заживления плеча),
лучи ударяют о землю,
вознося отрядный марш.

Полости светятся памятью
о людях, вышедших в гром,
почва обтянута водной плёнкой,
пуста, как барабан.

Вытолкнуть медленный укус –
лишь сердечное усилие
потребно (скажет: «в глубины влекусь,
где молчаньем просвет возгласили»?)

Выше – всё та же песнь,
впивается красота кислорода
в дыхание, как внутривенный слепень:
биение, поработай.

Будет тебе, пресветлый день,
твой подарок – не обнова;
мальки сидят в затонувшей ладье,
словно гильзы, лишённые слова.

С грохотом рвётся нить,
свинцовые рассыпаются бусы
под птичьим языком, каким говорить:

охотники ошибутся.

Посыпались из школьного рюкзака
жестяные тарелки, сверкнув
схожестью с гигантской чешуёй
поверженного зверя.

Началась экскурсия в поля
с привокзального звона: верно,
утварь прорвалась в заплечной толчее
(видели что покрепче материй?)

История, свернувшая в тишину
упирается в облако, ждёт:
воля общая сложилась в свет,
переходящий в слово.

Площадь, выпавшая из мешка
вечевого (о каждой нити
следует молчать отдельно), ты пуста
гулкостью, означающей время.